

«Летопись» нового «смутного времени»

Размышления о проблемах безопасности Европы

Владимир Штоль

В конце 2011 г. свет увидела новая монография Института Европы РАН «Безопасность Европы», входящая в серию «Старый Свет – новые времена» (под ред. акад. РАН Н.П.Шмелева)¹.

Отмечая безусловную полезность этого фундаментального труда, хотелось бы особенно подчеркнуть традиционный для авторского коллектива подход. А именно скрупулезный и последовательный анализ огромного по своему объему фактического материала, извлечение из исторической глубины и соединение с современностью многих интереснейших фактов и деталей, которые рассматриваются через призму наиболее актуальных, животрепещущих проблем. Увязка прошлого с настоящим и попытка с его помощью заглянуть в будущее – наиболее важный и интересный итог проделанной громадной работы, охватывающей не только проблемы европейской политики, но и связанные с ней сопредельные вопросы, апеллирующие к глобальной ситуации в целом. Следует признать, что это, видимо, единственно верный способ показать масштаб и динамику происходящих в мире изменений.

Достоинств у этой новой работы авторского коллектива много. Однако относясь весьма критически к рассмотрению России как «части Европы» (такой подход не укладывается в постулируемую сравнительными цивилизационными исследованиями самобытность нашей страны), необходимо начать

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, главный редактор журнала «Обозреватель–Observer». *E-mail:* observer@ru.ru

Ключевые слова: Европа, США, Запад, Россия, безопасность, глобализм, глобализация, советский период, постсоветский период.

с общих и основополагающих критических замечаний к монографии. Чтобы, выполнив эту аналитическую задачу, затем сосредоточиться на демонстрации и развитии того интересного, что сделало появление сборника заметным событием в российской научной и политической жизни.

И так, основных, фундаментальных вопросов к авторам монографии четыре.

Первый касается методологии исследования в той части, которая относится к очерчиванию круга главных политических субъектов современности.

Авторы сборника в принципе исходят из незыблемости традиционного подхода, апеллирующего к Вестфальской системе и ставящего в центр исторической и политической динамики государства и межгосударственные объединения, блоки и союзы. Исключение из этого «правила» если и делается, то исключительно в пользу тех субъектов, которые рассматриваются движущими силами глобализационных процессов – международных и региональных организаций, транснациональных и глобальных НПО (замаскированных под так называемое «гражданское общество»), бизнеса, в особенности глобального (сосредоточенного в ТНК) и т.д.

Констатируя наличие этих новых тенденций и «новых субъектов», авторы никак не связывают их между собой, не усматривая в их деятельности общего организующего начала. Между тем достаточно взглянуть в соответствующие документы ООН, например относящиеся к Саммиту тысячелетия (2000 г.), чтобы убедиться в том, что все эти «новые субъекты» были явным образом организованы и встроены в общий контекст подготовки и проведения дан-

ного комплекса мероприятий и запрограммированы на заданные результаты. При этом расширение межправительственного формата, осуществленное этим саммитом, явилось результатом успешной обкатки «пилотного проекта», которым стала проведенная в Рио-де-Жанейро еще в 1992 г. Конференция ООН по устойчивому развитию. Это детально и подробно со ссылкой на документальные источники раскрыто политологом В.Б.Павленко как в его монографии «Мифы “устойчивого развития”». “Глобальное потепление” или “ползучий” глобальный переворот?»², так и в статье, появившейся в развитие этой темы и посвященной состоявшейся в июне 2012 г. новой такой конференции «Рио+20»³, а также в целом ряде статей, опубликованных в журнале «Обозреватель-Observer» за последние несколько лет.

Саммит тысячелетия – это просто наиболее характерный и наглядный пример. И далеко не единственная иллюстрация недооценки авторским коллективом такого фактора, как наличие единой глобальной, точнее, глобализаторской, стратегии трансформации мирового порядка. При этом что формальным ее центром считается ООН (что призвано придать этим процессам видимость легитимности), реальным концептуальным центром, инициирующим перемены, происходящие якобы «объективно», является так называемая «глобальная олигархия», представляющая собой важнейший субъективный фак-

тор мировой политики. Под этим термином понимается совокупная деятельность трех основных групп (кланов) мировой элиты: Ротшильдов, Рокфеллеров и Ватикана, находящихся между собой во взаимоотношениях, описанных диалектическим законом единства и борьбы противоположностей*.

Данный вывод находит подтверждение в беспрецедентном внимании, уделенном мировыми аналитиками и СМИ объединению 30 мая 2012 г. ряда структур, принадлежащих кланам Ротшильдов и Рокфеллеров (а также имевшей место в марте 2012 г. интеграции французской и британской ветвей внутри самого клана Ротшильдов). Все это напрямую связывается с последующим развитием событий, обозначивших жесткое противостояние глобальной олигархии с властями США, за которым угадывается ее столкновение с институтом государства как таковым.

Авторский коллектив, по-видимому, в каком-то смысле просто упустил момент перехода количественных изменений в изучении данной проблематики в качественные. Расширение круга авторов и уровня обобщения информации, рост доказательной базы, включающей сегодня официальные документы ООН и различных международных организа-

ций, снятие «покрова тайны» с деятельности ряда институтов – все это позволило данной теме занять достойное место среди ключевых современных научных проблематик, а ее исследователям – избавиться от прежней маргинальности, развернувшись от контрпродуктивных поисков некоей «мировой закулисы» к анализу вполне реальных, верифицируемых процессов:

- расстановки глобально-олигархических сил, вскрываемой с помощью выявления состояния, а также исторической и современной динамики изменения структуры бизнес-интересов и акционерного капитала различных ТНК и их кланово-групповой принадлежности;

- применяемых глобальной олигархией способов воздействия на государства и межгосударственные союзы (государства «ставятся в строй» с помощью внешнего контроля над финансовыми системами и вовлечения их элит в межправительственные институты ООН; межгосударственные альянсы – расширением использования принципа регионализма, сформулированного Римским клубом и внедряемого с помощью ООН и международных финансовых институтов)**;

- прямого воздействия латентных (непубличных) институтов на

* Детальная разработка этой проблематики на протяжении ряда лет ведется – и достаточно интенсивно – Академией геополитических проблем под руководством доктора исторических наук, генерал-полковника Л.Г.Ивашова, а также рядом независимых центров, аналитических структур и экспертов.

** Авторы, кстати, упоминают о «переходе от межгосударственных союзов и уний к международным организациям регионального и глобального характера» (С. 69), но не считают это основанием для корректировки подхода, в основе которого лежит межгосударственный формат международных отношений. В ряде случаев (гл. 3) это приводит к весьма спорным суждениям о причинах различий в позициях ЕС и США по отношению к России.

публичную политическую сферу (наглядный пример – избрание в ноябре 2011 г. премьер-министром Италии М.Монти, на тот момент европейского директора Трехсторонней комиссии, позиция которого существенно повлияла на исход внеочередного саммита ЕС в конце июня 2012 г., открывшего, вопреки сопротивлению Германии и лично А.Меркель, «шлюзы» анонсированной Дж.Соросом политике, направленной на консолидацию единого европейского долга);

- явно неслучайного совпадения приоритетных направлений деятельности так называемого «мирового сообщества» в лице ООН («продвижения демократии», «миростроительства», «устойчивого развития») с приоритетами программных документов и идеологии глобально-олигархических фондов (например, Фонда братьев Рокфеллеров), в чем нетрудно убедиться с помощью соответствующих интернет-сайтов;

- интенсивного развития с начала 2000-х годов крупных банковских и финансовых групп, опирающихся, с одной стороны, на глобально-олигархические интересы, а с другой – на католическо-масонскую унию Второго Ватиканского собора (например, базирующейся в Испании группы *Santander*) и т. д.

Чем скорее это «узкое место» в деятельности авторского коллектива будет «расшито», тем более яркими, интересными и, главное, глубокими станут его последующие работы. Все необходимые условия для этого у коллектива Института Европы РАН имеются, и давно.

Ибо в отличие от совсем недавнего прошлого, сегодня признаком

маргинальности можно считать не признание, а, напротив, отрицание наличия в мировой экономике и политике влиятельнейших нетранспарентных, негосударственных (а точнее, антигосударственных) субъектов, объединенных крупными корпоративными интересами и стремящихся с помощью доминирования в экономике узурпировать политическую власть, в том числе и в глобальном масштабе.

Сохраняющимся до поры до времени, но уже бесправным государствам в этой схеме, по-видимому, предназначается незавидная роль, заключающаяся в том, чтобы отводить от глобальной олигархии и замыкать на себе энергии массового протестного недовольства формирующимся миропорядком, скрывая тем самым подлинных его строителей.

В эту же канву интересов «глобальной олигархии» (противоборства ее основных кланов) укладывается и отмеченное авторами в гл. 9 противостояние между натовским (под руководством США) и европейским оборонными проектами.

Действительность представляется более сложной: описанные в сборнике систематические попытки создания европейской оборонной структуры (в которые укладывается военная операция против Ливии), на наш взгляд, являются отражением одних олигархических интересов, а их торпедирование со стороны США, сопровождаемое укреплением привязки этой структуры к НАТО, – других. Отмеченная авторами «нормализация отношений между США и ЕС, НАТО и Европейской политикой обороны и безопасности (ЕПОБ)»

обусловлена вышеуказанной интеграцией противоборствующих интересов и отражает достигнутый ими консенсус, основанный на разделении сфер ответственности:

- передаче в компетенцию военных структур ЕС существенной части зоны традиционной компетенции НАТО,

- высвобождения американцев для действия за пределами этой зоны (в рамках основных направлений третьей Стратегической концепции НАТО, 2010 г.) – в регионе «Большого Ближнего Востока» и Азиатско-Тихоокеанского региона.

На глобальном уровне эта интеграция проявляется установлением фактического партнерства между ООН, с одной стороны, НАТО и ЕС – с другой (что подтверждается авторами на примере одобренной в 2003 г. Европейским советом «глобальной программы» по модернизации Европейской стратегии безопасности (С. 233), предусматривавшей укрепление взаимодействия с НАТО и ООН.

С первым «узким местом» работы тесно связано второе, которое из него вытекает.

Последовательно перечисляя «художества» западной политики и дипломатии, подчиненные единому стратегическому плану трансформации мирового порядка в интересах «глобальной олигархии» и контролируемых ею западных элит, члены авторского коллектива почему-то не обнаруживают этого плана, игнорируя многочисленные, в том числе институциональные и документальные подтверждения его существования.

Наглядный пример – гл. 8, посвященная региональным конфликтам в Европе и на постсоветском пространстве.

Например, утверждение о том, что «в конечном счете судьба Приднестровья будет определяться общим контекстом отношений России с ЕС и Украиной» (С. 204), не вполне соответствует действительности, так как ключевым внешним игроком и для ЕС, и для Украины (не только в приднестровском вопросе) остаются США и, следовательно, российско-американские противоречия. Не является исчерпывающей и увязка развития ситуации нагорно-карабахского конфликта с интересами энергетического транзита (С. 208), ибо:

- во-первых, все яснее становится перспектива официального признания Нагорного Карабаха не только Арменией, но и рядом европейских государств;

- во-вторых, источником энергоресурсов для соответствующих проектов является «проблемный» Иран\$

- в-третьих, энергетическая стратегия Запада почти за год, прошедший после выхода труда в свет, претерпела весьма существенные, можно сказать, революционные изменения, связанные с так называемой «сланцевой революцией».

Ясно, что все эти конфликты (и особенно в Нагорном Карабахе) имеют первичную геополитическую, а не энергетическую мотивацию, тесно связанную с реализацией американской стратегии «управляемого хаоса» на «Большом Ближнем Востоке» и его перестроения.

Так, Сирия в случае падения режима Б.Асада, с одной стороны, Ка-

рабах и Азербайджан, с другой – являются прежде всего «рычагами» геополитического давления на Иран, а Грузия – геополитическим «клином», «вбитым» американцами в постсоветское Закавказье еще и для подрыва позиций России. (Вполне обоснованной представляется точка зрения ряда экспертов о том, что с помощью военной авантюры против Южной Осетии в августе 2008 г. режим Саакашвили был умышленно «подставлен» Вашингтоном для превращения его в «отмычку», способную влиять на ход современной «большой игры» в Закавказье).

Отдельным и все более принципиальным и актуальным вопросом глобальной политики является входящая в активную фазу консолидация курдских территорий, запущенная автономизацией Иракского Курдистана и продолженная недавней легитимацией сирийскими властями Западного Курдистана.

Поскольку это тот случай, когда озабоченности России и Европы продолжающейся американской экспансией, несущей в регион хаос, совпадают, в Закавказье становятся возможными крупные перемены, которые, по-видимому, будут разворачиваться по мере реализации американского проекта «Большого Ближнего Востока».

Решение карабахской проблемы, дальнейшая фрагментация Грузии и изоляция Азербайджана от Турции, которую курдская проблема затрагивает все сильнее и сильнее, таким образом, могут стать частью некоего «геополитического пакета», который позволит США и России разграничить в этом регионе сферы своего влияния. Ясно, что «нефте-газовый»

аспект этой проблемы являются важными, но назвать их доминирующими было бы не вполне правомерно.

Иначе говоря, в сборнике ситуация рассматривается как-то статично, недооценивается высокий динамизм ее развития, обусловленный прямой или косвенной незаинтересованностью ведущих геополитических игроков в сохранении здесь статус-кво.

Третий вопрос к авторскому коллективу, который, впрочем, может быть с полным основанием адресован не только ему, но и большей части российского политикума, научного и в целом интеллектуального сообщества, – приверженность якобы «безальтернативности» интеграции России в Европу и в мировое сообщество. Между тем авторы сами верно признают, что «...Россия чуть ли не целое столетие развивалась (обращу внимание: именно *развивалась*, а не прозябала в безвременье. – Авт.), отгородившись от мировой экономики и ее кризисов» (С. 8).

И при этом авторы никак не доказывают, чем и почему такая автаркия плоха. Да и не могут доказать, так как очевидно, что нынешняя «интеграция» (со всеми ее составляющими – от ВТО до ювенальной юстиции) – много хуже любого «железного занавеса». Ведь из нее изъята главная составляющая – самостоятельная проектность [замененная, как верно указано в сборнике, деидеологизированным «прагматическим партнерством» (С. 30)], что полностью игнорирует традиционную историческую миссию России. (Весьма символично продвижение нынешней властью проекта создания в обладающем цивилизационной са-

кральностью Третьем Риме – Москве «мирового финансового центра»). И именно поэтому тезис об упомянутой «безальтернативности» носит не столько научный, сколько идеологический характер, указывающий на субъективные предпочтения и идеологическую ориентацию авторов.

Представления о «европейской принадлежности» России настолько глубоко проникли во все поры сознания членов авторского коллектива, что проявляются даже в некоторых малоизвестных, но говорящих деталях.

Например, в заголовке ч. VII упоминается не евразийское пространство (к которому географически и геополитически принадлежит Россия), а «евро-атлантическое», чем воспроизводится лексика прежде всего западных апологетов евроинтеграции России, скажем Бжезинского (С. 651). Методологически, причем даже с точки зрения западной геополитики, тем самым осуществляется микширующее смешение базовых категорий «моря» и «суши» с присущей им спецификой моделей внутреннего устройства и внешней политики, раскрытой в первой половине XX в. в фундаментальном труде немецкого геополитика К.Шмитта «Суша и море» (*Land und Meer*).

Преодоление этих противоречий на Западе, достигнутое лишь после Второй мировой войны, в процессе интеграции различных «национальных империализмов» (по К. Каутскому) в глобальный «ультраимпериализм», никак не означает, что они преодолены и на Востоке. Напротив, если обратиться к недавно вышедшему труду того же Бжезинского «Стратегическое видение: Америка и

кризис глобальной власти» (*Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*), становится ясно, что задача «расширения Запада» за счет России по сей день только ставится. Учитывая же, что постановка данной задачи этим апологетом американского глобального доминирования рассматривается императивом – единственным условием сохранения ведущей роли США в мировых делах, то получается, что термин «Евро-Атлантика» (причем вне зависимости от частоты его упоминания в официальных российских документах), по сути, становится синонимом продолжения американской экспансии.

Обращает внимание и то, что приведенный в ч. VII перечень международных организаций на «Евро-Атлантическом» пространстве не включает ни ЕврАзЭС, ни Таможенный и Евразийский союзы. Предвосхищая возможные возражения авторского коллектива насчет того, что эти структуры не имеют формального отношения к сфере безопасности, подчеркнем, что безопасность многолика и включает целый спектр аспектов, в том числе экономический. Не говоря уж о самостоятельном влиянии любых интеграционных процессов на постсоветском пространстве на безопасность, в том числе военную, всех их участников.

По тем же причинам следует отметить отсутствие в этом перечне Совета Европы, который, по оценке того же Бжезинского («Великая шахматная доска...»), служит инструментом «привязки» Германии к США, а также продвижения европейских институтов на Восток, а стало быть, напрямую связан с проблемами безопасности – и сам по себе, и в контек-

сте так называемой «еврорегионализации».

Четвертый вопрос, который вытекает из третьего, предъясняется к заявленной еще во введении позиции, заключающейся в том, что «...основой критерия значимости отношений России с главными евроатлантическими организациями является российский проект Договора о европейской безопасности от 29 ноября 2009 г. в котором...» (С. 9).

С уходом Д.А.Медведева из Кремля этот документ не только сам по себе полностью утратил актуальность, но и «потянул за собой» всю систему приоритетов российской внешней политики. Их новое содержание, как известно, отражено в Указе Президента Российской Федерации В.В.Путина от 7 мая № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». Одним из важнейших требований этого документа является разработка и предстоящее уже в декабре текущего года принятие новой Концепции внешней политики, взамен прежней, от 2008 г., в русле которой и появился проект договора, берущегося авторами сборника «за основу».

Разумеется, в 2011 г. авторы не могли прогнозировать появление такого указа. Но и не понимать возможных последствий предстоящего его ухода ныне бывшего президента от власти, они, на наш взгляд, не имели права. Как и не видеть фундаментальных международно-политических причин, побудивших Запад, прежде всего США, пытаться воспре-

пятствовать возвращению в Кремль В.В.Путина, даже ценой неприкрытого вмешательства в российские внутренние дела*.

Поэтому неактуальным становится видение Путина «безальтернативным европейским интегратором» России, относящееся к началу 2000-х годов (С. 28).

Авторами не берется в расчет, что к власти тогда он пришел с унаследованной ельцинской внешнеполитической программой, получив от нее реальную самостоятельность только после возвращения на президентский пост в 2012 г. Чем сильнее будет закручиваться спираль внешнего и внутреннего кризиса, тем перед более жестким выбором наш лидер окажется. Не исключено, что разворот «спиной» к Западу на определенном, не слишком отдаленном этапе международного и внутреннего политического развития (с опорой на соответствующие идеи, силы и интересы внутри страны) может оказаться для него единственным способом сохранить власть, а возможно, и страну.

Иначе говоря, одна из исходных посылок представленного авторским коллективом анализа уже через считанные месяцы после выхода труда в свет оказалась опровергнута самим течением жизни. Причина этого уже была обозначена – идеологизация общих подходов авторского коллектива, базирующаяся на доминирующем в нем субъективном представлении о якобы «безусловной» принадлежности России к Европе, что ни в

* Это позволил себе вице-президент США Дж.Байден в марте 2011 г. во время встречи с представителями российской деструктивной оппозиции.

кой мере не соответствует действительности.

Авторы, кстати, и сами это понимают. Это сквозит «между строк» сборника, отражаясь, скажем, в признании существенно более широкого масштаба геополитических угроз России по сравнению с Евросоюзом (С. 105).

Не углубляясь в детали представленной здесь критики, каждый из пунктов которой можно проиллюстрировать множеством примеров с указанием конкретных глав и страниц, сделаем важное обобщение. Характер и особенности изложения в сборнике соответствующих тем указывает на стремление авторского коллектива внести определенный и немалый вклад в разработку нового, постсоветского варианта истории, «зачищенного» от всего, что относится к идеологическим аспектам рассматриваемых событий, поставив крест на советском проекте. Тем самым он как бы выводится за рамки «магистрального» пути развития человечества, превращаясь в некий маргинальный «зигзаг истории», повторение которого невозможно.

В пользу этого вывода свидетельствует отсутствие привязки внешней политики СССР к происходившим в нем внутренним событиям, а также к руководящей роли КПСС в этих вопросах и конкретно – к съездам партии, на которых в обстановке кулуарного, а в ряде случаев и открытого противоборства принимались важнейшие стратегические решения.

Несмотря на соответствие официальному антисоветизму и антикоммунизму современной «генеральной линии», этот подход ошибочен, что,

к примеру, доказывается динамикой предсъездовской ситуации в КНР, политическая система которой во многом связана с советской.

Остановимся на этом, ибо развитие данного суждения выходит за рамки сугубо европейской проблематики, и обратимся к различным парадигмам, теориям, концепциям и моделям всемирно-исторического развития.

Теперь обратимся к тем сторонам рассматриваемого труда, которые можно смело поставить авторскому коллективу в заслугу.

Прежде всего отметим, что труд авторского коллектива грамотно и хорошо структурирован, проблематика частей и глав хорошо увязана между собой. Активно используется метод «сквозных» тем и выводов, которые пронизывают весь материал, демонстрируя важные тенденции современной европейской политики. (Среди них, например, ограниченная самостоятельность и зависимость Европы от США, наличие постоянно растущих противоречий между «старой» и «новой» Европой, формирование по многим важным вопросам ситуативных альянсов, игнорирующих интересы и мнения не входящих в них членов ЕС, и т. д.)

Это объясняет, почему во многом центральное место отводится политике США, ее зигзагам и изменениям от администрации Дж.Буша к администрации Б.Обамы и т.д.

Очень важно, что, отдавая должное традиционным военным вопросам, долгое время как бы монополизировавшим проблематику безопасности, авторский коллектив включил в нее и современные, порой бо-

лее актуальные проблемы – терроризм, экстремизм, вызовы экономической неравномерности и конъюнктуры и т. д.

Особой заслугой авторов можно считать упоминание в этом перечне факторов, содержащих «мягкую силу» (*soft power*) и составляющих так называемое «организационное оружие», используемое для подрыва государств (Ч. VI).

К этому списку помимо наркотрафика, информационного воздействия, «глобального потепления», являющихся сердцевинной подрывной концепции «устойчивого развития», а также нелегальной миграции, можно добавить НПО, расширяющие масштаб своей деятельности в рамках концепции так называемого «глобального гражданского общества».

Внимание к такому аспекту сборника, как концепция «устойчивого развития», обусловлено и включением в него гл. 22 [«От Киото-97 к Копенгагену-09 и дальше» (С. 591–615)], написанной С.А.Рогинко.

Сразу подчеркнем: глава очень интересна своей информационной насыщенностью. Являясь специалистом в сферах экономики и экологии, автор не только живо, интересно, убедительно и достоверно анализирует причины провала саммита Рамочной конвенции ООН по изменению климата 2009 г. в Копенгагене и борьбу вокруг перспектив продления Киотского протокола, но и жестко критикует практику запугивания человечества «климатическими моделями», основанными на теории «парникового эффекта».

Но, сосредоточиваясь преимущественно на экономике, Рогинко, по

сути, недооценивает политическую и, главное, идеологическую сторону этого вопроса.

Конечно, в материале признается, что «неизученность и возможность использования противоречивых данных и аргументов придают особый политический интерес проблеме изменения климата». Подтверждается, что тем самым «создается теоретическая возможность поставить вне закона основные виды человеческой деятельности, ...связанные с выбросами парниковых газов – производством и потребление энергии, промышленность, транспорт, домашнее хозяйство и т.д.». И что «это, в свою очередь, дает основания для различных видов контроля и регулирования жизни человечества...» и т.д.

Тем не менее, задавшись риторическим вопросом о том, «можно ли... говорить о каком-то тайном заговоре ученых и предполагать некий их коварный умысел по отношению к профанам, живущим на планете?», тут же сам и выносит вердикт: «Вряд ли интересы этой группы лежат так глубоко: все проще, циничнее и сводится к деньгам...»

Соответствует ли это действительности, и все ли ученые сводят цели исследований к деньгам? И случайно ли, что на 25 страницах текста – качественного, содержательного и интересного, нет ни одного (!) упоминания об «устойчивом развитии». За исключением цитаты из Пекинской декларации, принятой в конце октября 2008 г. 7-й встречей стран Азии и Европы в верхах. Хотя материал явно об «устойчивом развитии», обо всех его компонентах (экономическом, социальном, экологи-

ческом. – Авт.), которые на протяжении двух десятилетий кочуют по всем «глобализаторским» документам.

Как будто табу какое-то наложено на упоминание этой концепции, точнее, уже стратегии, активно и агрессивно продвигаемой современными глобалистами на всех уровнях и фронтах!

Сборник, безусловно, можно считать хрестоматией фактов по всему спектру вопросов, связанных с безопасностью. В нем есть любая информация, которая может заинтересовать специалистов, преподавателей и студентов, а также широкую читательскую аудиторию.

На самое главное даже не это. А то, что, учтя критические замечания в адрес предыдущего сборника «Россия в многообразии цивилизаций» (2010 г.), руководство авторского коллектива пошло на то, чтобы отвести значительное место воспоминаниям непосредственных участников переговоров по проблемам ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений и ПРО. Насколько же выигрывает материал сборника, начиная сиять всеми своими гранями, когда от идеологизированных и абсолютно небесспорных (хотя, к сожалению, и доминирующих в современной российской элите) рассуждений о приведении международно-политических процессов к единому «постперестроечному» знаменателю, основанному на мнимом «консенсусе», предложенном «победителями» в холодной войне, авторский коллектив переходит к анализу живой динамики процессов, определявших судьбы мира, в центре которых стояла наша страна.

В гл. VI, принадлежащей перу Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР О. А. Гриневского и читающейся буквально на одном дыхании, раскрываются важнейшие и интереснейшие детали длительного, изобиловавшего множеством нюансов и штрихов, переговоров СССР и США, предварявших договоры по ОСВ и ПРО, подписанные в 1972 г. Л.И.Брежневым и Р.Никсоном.

Перечислить их невозможно, ибо важнейшей и интереснейшей информацией пронизана буквально каждая строчка, и, кроме того, мы не считаем себя вправе выдергивать из повествования Гриневского, безусловно являющегося одним из легендарных отечественных дипломатов, какие-то моменты, устанавливая их приоритетность по отношению к другим.

Пусть читатель прочтет все сам – от начала и до конца, поучившись настоящему, подлинному патриотизму и дипломатическому мастерству, позволявшему переигрывать «тертого» противника, выстраивая стратегический паритет сверхдержав и ликвидируя при этом существующие дисбалансы с помощью весьма грамотной эксплуатации его разнообразных фобий.

И как можно, «покупаясь» на собственные фобии, умело эксплуатируемые противником, проигрывать практически выигранные раунды геополитического противостояния, как произошло из-за абсолютно неадекватной реакции СССР на являвшуюся в тот момент мифологической «угрозу» рейгановских «звездных войн» (С. 142–156). И более того, создавать прецедент, позволивший США (а затем и НАТО в целом) сфор-

мировать стратегию, основанную на постоянной стратегической дезинформации нашей стороны и продаже ей «пустышек» в обмен на реальные уступки.

Центральным звеном этой стратегии, как становится теперь ясным, стала постоянная реинкарнация темы ПРО из эпохи в эпоху, вне зависимости от реально существующего на момент очередного использования этой темы баланса СЯС, а также осуществленная Дж. Бушем-старшим в рамках программы GPALS «глобализация» этой темы (С. 156–159).

Кроме того, из всех перипетий переговоров по ПРО, предшествовавших подписанию Московского договора 1972 г., следует обратить внимание на выделенную Гриневским увязку советской стороной договоренности по ПРО с достижением паритета в наступательных вооружениях (С. 128). Из этого логическим образом вытекает вывод, что, согласившись на нарушение этого паритета (а чем иным, как не таким согласием, был распад СССР), мы сами предопределили будущий дрейф США к отказу от договора по ПРО, винить в котором Дж. Буша-младшего можно лишь, переваливая ответственность с больной головы на здоровую.

Настоящим виновником произошедшего следует считать сам феномен (и, разумеется, носителей) горбачевского «нового мышления», подкрепленного капитулянтской позицией «перестроечной» элиты, забывшей о важнейшем правиле, сформулированном еще М.Тэтчер: любые договоренности – только с позиции силы.

Свой вклад в этот стратегический провал был внесен и косностью тех кругов в советской элите, которые «клюнули» на американский план СОИ, суть которого заключалась во втягивании СССР в гонку высокотехнологичных вооружений. Как здесь не вспомнить ответ, полученный Начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Н.В.Огарковым на заседании Политбюро ЦК КПСС на заявление о том, что наша страна такой гонки не выдержит: «Не выдержите вы – выдержат другие».

Причем данный вывод вполне можно экстраполировать на общее развитие международно-политических процессов, в котором насильственное (и искусственное) заталкивание человечества в информационно-коммуникационный постмодернизм, прикрываемый обильной демагогией о приоритетности так называемого «человеческого капитала», представляется «безальтернативной магистралью» цивилизационной эволюции человечества.

Кроме того, рассуждая о перспективах развития и решения проблемы ПРО в XXI в., целесообразно учитывать не только взаимосвязь интересов в треугольнике США – Европа – Россия, но и расширить географию вопроса, включив в него прежде всего Китай, который по мере развития своих СЯС становится важнейшей заинтересованной стороной.

Авторы не могут не видеть, что недоучет китайского фактора в анализе перспектив решения той же иранской ядерной проблемы и сведение ее к противостоянию Ирана с «мировым сообществом» формирует некую черно-белую картинку, весьма далекую от действительности.

То же самое можно сказать и о рассматриваемых в контексте Ирана проблемах «Большого Ближнего Востока». Необходимо четкое понимание (а оно отсутствует в монографии) того, что сам одноименный проект, как и любые «пророчества» его идеологов, прежде всего Бжезинского, является продуктом изменения американской стратегии, осуществленной именно в 2003 г. и направленной в ее новой интерпретации к созданию в указанном регионе «пространства хаоса», распространяющего процессы дезинтеграции и распада не только на Европу и Россию, но и на Китай (концепция «Нового шелкового пути»).

Очень насыщенной по своей содержательности является гл. 10, раскрывающая многолетние перипетии такой актуальной проблемы, как контроль над конвенциональными вооружениями в Европе.

Из всей хронологии событий, отсчет которых начинается с Гаагских конференций 1899 и 1907 гг., вытекает наглядно отраженная общая тенденция: постоянная инициативная готовность нашей страны (вне зависимости от господствующей идеологии и правящего в ней политического режима) к любым формам контроля – от обеспечения транспарентности военной деятельности до поддержания баланса, ограничения и сокращения, которой неизменно противостоял такой же неизменный императив западной политики – наращивание вооружений. Можно, конечно же, списывать все на недоверие, которое испытывается Западом к России, хотя оснований для недоверия к самому Западу у России боль-

ше (одни только масштабные военные агрессии, осуществляемые с периодичностью 1–2 раза в столетие чего стоят!).

Но более реальным и адекватным будет скорее признание врожденного экспансионизма европейской и в целом западной политики, обусловленной содержанием базовых геополитических концепций Запада: «моря и суши» (Челлен – Ратцель) и вытекающей из этого «необходимости» контроля над «Хартлендом» (Маккиндер), «анаконды» (Мэхан), «жизненного пространства» (Хаусхофер) и т.д. Наглядной иллюстрацией к этому является расширение НАТО, каждая волна которого, как справедливо указывается А.И.Мазуром, вслед за распадом СССР создавала максимальное количество проблем для российской стороны, всякий раз укрепляя положение наших западных партнеров, которые использовали российские озабоченности для навязывания нам дополнительных геополитических обязательств на постсоветском пространстве (С. 276–278).

Справедливо поставленный императивный выбор – либо восстановление жизнеспособности адаптированного ДОВСЕ к существующим реальностям, либо его завершение (С. 302–303) – дополнительно подтверждается ростом политической нестабильности в Европе, в особенности кризисом ЕС и запуском интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Если эти процессы (оба или по отдельности) пойдут, а проблема ДОВСЕ не будет решена, на этом договоре будет поставлен крест, а потенциальный баланс придется искать заново, причем в условиях

существенного обострения международной напряженности, темпы которого за прошедший год только ускорились.

То же самое в полной мере относится и к гл. 13, посвященной военно-политическому измерению ОБСЕ.

Предоставляя развернутую и исчерпывающую информацию обо всех перипетиях подготовки и проведения Хельсинского совещания 1975 г., преобразования его в международную организацию, которая приобрела самостоятельный вес в европейской и мировой политике в связи с появлением Парижской хартии новой Европы (1990 г.) и трансформацией СБСЕ в ОБСЕ (1994 г.), авторы признают свойственную Западу приоритетность «двойных стандартов».

Вот говорящая выдержка из работы: «...Создание иллюзии благополучия... может привести к окончательной маргинализации Форума (по сотрудничеству в области безопасности. – Авт.), а то и к кризисной ситуации, как это уже произошло с ДОВСЕ».

Подобная перспектива решительно не устраивает российскую сторону, и она на протяжении ряда лет прилагает все усилия для того, чтобы развернуть Форум лицом к действительно крупным проблемам... Поскольку в результате многолетнего застоя любая серьезная новация встречается у западных партнеров отторжение или даже вызывает чуть ли не панику (!), российская сторона предложила начать работу с открытого разговора по ключевым проблемам в области безопасности и

имеющимся озабоченностям» (С. 361).

Развивая перечень возможных действий по использованию ОБСЕ для реального укрепления доверия в Европе, А.И.Мазур перечисляет меры, которые представляются российской стороне эффективными.

Но трудно отделаться от впечатления, что и ему ясно, что перспектива перехода к реальному диалогу представляется туманной до тех пор, пока указанный круг вопросов будет в действительности находиться в ведении не ОБСЕ, а НАТО, как это имеет место сегодня. При этом полная беспомощность ОБСЕ в сфере безопасности была наглядно продемонстрирована как во время натовской агрессии против Югославии, так и во время югоосетинского кризиса. «Миротворческая» роль этой организации в те августовские дни 2008 г., по сути, была сведена к организации поддержки режима Саакашвили с помощью «гастролей» в Тбилиси ряда влиятельных и не очень представителей европейских элит.

Трудно не согласиться с рядом авторских формулировок, подводящих итог рассмотрению вопроса о контроле над вооружениями в Европе.

Например, с тем, что эта сфера «с начала XXI века рассматривается Западом как второстепенная», что «традиционный» контроль над вооружениями рассматривается лишь в контексте «наихудшего возможного сценария», что современные западные представления исходят из того, что «концепция баланса сил утратила смысл (как и связанные с ней количественные ограничения)» и т.д. (С. 366–367).

Поэтому возобновление по-настоящему равноправного диалога России с Западом, в том числе с Европой, возможно только на проектной основе, когда Россия перестанет связывать свои чаяния и перспективы с интеграцией в пресловутое «мировое сообщество», а предъявит этому обществу собственный императивный проект будущего и приступит к практическим шагам по его реализации, в частности к политической реинтеграции постсоветского пространства.

Только ощутив реальную опасность, Запад будет вынужден перейти от имитации поиска выхода из сложившейся ситуации, прикрывающей его стремление к односторонним преимуществам, к подлинному заинтересованному партнерскому диалогу.

Очень важными и интересными представляются положения и выводы гл. 14, посвященной столь актуальной ныне проблеме терроризма.

Обходя деликатные вопросы, связанные с некоторыми аспектами происхождения терроризма как явления, современная версия которого уходит корнями в холодную войну и биполярное противостояние сверхдержав, в котором он использовался обеими сторонами, авторы сборника решительно и абсолютно верно разделяют ислам и исламизм (мусульманский экстремизм и терроризм).

Можно было бы еще более заострить это разделение, показав западный спецслужбистский генезис современного исламизма, который, с одной стороны, как верно указывается в работе, представляет собой религиозно-политическую реакцию на западное доминирование («религия бедных»), а с другой – искусственно подогревается теми на Западе, кто сделал его инструментом масштабной перекройки границ и реформирования всего региона Ближнего и Среднего Востока, упоминание о котором в работе позволяет считать такой подход своего рода дипломатической «фигурой умолчания»*.

Абсолютно точно в монографии указаны типологические характеристики современного терроризма:

- «сетевой» характер организации, невиданная ранее массовость;

- уязвимость инфраструктуры «электронного» постиндустриального общества;

- религиозная пассионарность организаторов и исполнителей терактов, а также их опора на многочисленные этнические и религиозные диаспоры и меньшинства в развитых странах Запада (С. 379–380).

Определенное сомнение вызывает однозначность выводов по проблематике, касающейся ядерной программы Ирана: что у России, по сути, нет иного выхода, кроме совместного с Западом противодействия ей (С. 395–396). Однако ситуация намного сложнее и многограннее, о чем

* В пользу того, что суннитский фундаментализм на самом деле не несет угрозы Западу, а является замаскированным инструментом продвижения его геополитических интересов, свидетельствует и инициатива примирения с Западом, выдвинутая братом лидера «Аль-Каиды» Мохаммедом аль-Завахири.

свидетельствует и российская инициатива по созыву конференции по Ближнему Востоку с постановкой в центр обсуждения безъядерного статуса этого региона, и ситуация в Сирии, как и «арабская весна» в целом, создающая большие угрозы Израилю, чем ядерный Иран, главным противником которого авторы справедливо называют Саудовскую Аравию и другие крупные суннитские страны арабского мира, и также китайско-иранская связка и т.д.

Все эти факторы вполне могут оказаться элементами крупной многоходовой игры, в центре которой находится продвигаемая американцами перспектива создания независимого Курдистана, автоматически затрагивающая интересы сразу четырех соседних государств – Ирака, Сирии, Ирана и Турции.

Дискуссионным также выглядит предложение авторов считать «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ), принятые Саммитом тысячелетия ООН 2000 г., инструментом противодействия терроризму в части сокращения нищеты и бедности (С. 400). Преобразование этой программы саммитом «Рио+20» (2012 г.) в «Цели устойчивого развития» демонстрирует ее не просто идеологический характер, но и полноценную проектность, направленную не столько на официально декларируемые цели, сколько на управляемую (с помощью хаоса) трансформацию мирового порядка.

Особняком в сборнике стоит тема «современных вызовов экономической безопасности» (ч. V), рассмотрение которой начинается с беспощадного, но при этом безупречно-

го в своей содержательной части анализа предпосылок столь тяжелых для нашей страны последствий мирового финансового кризиса.

Как следует из этого анализа, перекосы, унаследованные от советской плановой экономики [«утяжеленная структура экономики с преобладанием добывающих отраслей и тяжелого машиностроения» (С. 430)], лишь «присказка» к «художествам» так называемых «рыночных реформаторов».

Невозможно не согласиться с тем, что «внезапные и одномоментные» отказ от планирования и государственного финансирования и открытие внутреннего рынка для международной конкуренции (усугубляющееся сегодня вступлением в ВТО, явно преследующим политические или даже идеологические цели. – Авт.) привели к «катастрофическому разрушению производственной структуры... и дезорганизации финансово-экономического обмена...» (С. 430–431).

Однозначно правы авторы в оценке «приватизации по методу Чубайса» (в целях создания «класса частных собственников») как «хищнической» (С. 431) и откровенно мошеннической. «...Вряд ли будет преувеличением считать, что по своим финансово-экономическим последствиям чубайсовская приватизация оказалась для России... более тяжелым бедствием, чем татаро-монгольское нашествие... Современная история не знает другого прецедента, когда государству такого масштаба, как Россия, наносился бы такой... урон, причем не внешним врагом, а собственным правительством» (С. 434).

Этот вывод достоин того, чтобы быть ключевым звеном в оформлении различного рода экономических форумов и конференций, которые так любят проводить первые лица в нашей власти, зазывая на них многочисленных зарубежных «организаторов и вдохновителей» этого бедствия – от Бжезинского до руководителей МВФ и Всемирного банка.

Попытки же отыскать «островки прогресса» в российской экономике (С. 441–443) неумолимо натываются на кризис, усиленный хроническим недоинвестированием отечественных предприятий, обусловленным выводом олигархами (называются Дерипаска, Мордашов, Усманов) средств на Запад и их вложением в зарубежные активы, а также на некомпетентность власти, слепо и некритически копирующей, как убедительно доказывают

сами авторы, зарубежный, в частности европейский опыт, – по части открытости экономики, приоритетности узкого по своим масштабам «инновационного» сектора и т. д. (С. 462–463).

Как утверждают авторы, действительность требует перехода от «ручного управления» к выработке «системных подходов» (С. 477).

Но есть серьезные сомнения в том, что это возможно в рамках так называемой «рыночной парадигмы», упрямо продвигаемой руководством страны.

Вызывают беспокойство (гл. 17) европейские попытки «переделать Россию», т. е. разрушить ее цивилизационную идентичность, перепрограммировав и перенаправив ее в русло западной проектности, считая взаимозависимость России и ЕС абсолютной.

В завершение еще раз отметим энциклопедический характер представленного авторским коллективом труда. Невзирая на отмеченные «узкие места» и недостатки (как они видятся рецензенту), подчеркнем следующее.

Мы живем в переломное время, на рубеже эпох. Общее обострение глобальной ситуации, нарастающая угроза социально-политических и военных конфликтов, особенно у южных границ России и СНГ, со всей неизбежностью потребуют властной и общественной консолидации, которые с такой же неизбежностью примет не только политические, но и идеологические формы (ибо восстановить проектность на зыбком фундаменте плюрализма у нашей страны не получалось никогда, и нет никаких оснований полагать, что получится на этот раз). Рано или поздно вопрос будет поставлен ребром:

– либо возврат к традиционным формам такой консолидации,

– либо дальнейший распад и участь завершившей существование цивилизации.

В тех новых политических и исторических условиях, в которых будет происходить этот выбор, улетучатся все сиюминутные конъюнктурные, порожденные 20-летним периодом безвременья мифы (в том числе тиражируемые авторами монографии).

Но останется проведенная ими гигантская работа, превращающая эту работу в некое подобие «летописи» новых «смутных времен».

Изложенная в ней «фактура» не просто потребуется, а окажется незаменимой в описании процессов, протекавших в нашей стране между заверше-

нием четвертого (советского) и запуском пятого (будущего) глобального проекта. Без трудов, подобных этому, описать эпоху безвременья, пришедшуюся на жизнь уже как минимум двух поколений, не получится. Как и проанализировать ее содержание с позиций новых мобилизационных идей, планов и требований.

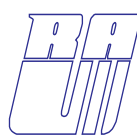
Выражая всему коллективу авторов Института Европы РАН искреннюю признательность за это, пожелаем им дальнейшей плодотворной работы и творческих успехов.

Примечания

¹ Безопасность Европы / под ред. академика В.В.Журкина. М.: Весь мир, 201. – 752 с.

² Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? М.: ОГИ, 2011.

³ Павленко В.Б. Конференция «Рио+20»: шабаш «глобализаторов» // URL: <http://akademiagp.ru/konferenciya-rio20-shabash-globalizatorov>

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@ru.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.